

Луи Буссенар

Среди факиров

Бессребреник

Луи Буссенар
Среди факиров

«Public Domain»

1898

Буссенар Л. А.

Среди факиров / Л. А. Буссенар — «Public Domain»,
1898 — (Бессребреник)

События в романе «Среди факиров» происходят в Индии, в то время колонии Англии. Именно это является причиной драматических ситуаций, столкновений с индийскими факирами, членами религиозных каст, которым были известны гипноз, перевоплощение, медитация.

Содержание

Часть 1	6
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	19
Глава V	24
Глава VI	27
Глава VII	30
Глава VIII	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Луи Буссенар Среди факиров

Текст печатается по изданию:

Буссенар Л. Полное собрание романов Луи Буссенара.

Спб.: Кн. изд-во П. П. Сойкина, 1911.

С исправлениями в соответствии с нормами современного русского языка.

* * *

Часть 1

Туги-душители

Глава I

Счастливая семья. – Письмо. – В Калькутте. – Майор Леннокс, герцог Ричмондский. – Дворянство и бедность. – 25 милл. франков. – Ужасные последствия. – Удар ножом.

Тяжелая дверь тихонько отворилась, и в столовую вошла европейская служанка с подносом в руках.

Перед столом под большим опахалом, мерное раскачивание которого навевало приятную свежесть, три особы дожидались полдника.

Это были молодая женщина и двое ее детей-подростков – брат и сестра.

– Как вы опоздали сегодня, милая Кэтти! – с живостью воскликнула молодая женщина. – Патрик и Мэри умирают с голоду, и я сама страдаю уже целые полчаса!..

Это замечание, сделанное тоном дружеского упрека, нимало не огорчало ту, к которой относилось.

Она добродушно засмеялась и прервала хозяйку нежным и фамильярным тоном преданных слуг:

– Я приехала из города полным галопом, и к тому же привезла с собой письма. Да, барыня письма, которые только что пришли из противной страны Африды, где ваш супруг, мой барин, и его трубач, мой муж умирят бунтовщиков...

При этих словах дети вскочили с мест с восклицаниями:

– Письмо от папы! Письмо от папы!

– Благодарю, Кэтти!

– Итак, я была права, заставив вас немного поголодать, молодые господа, и барыня меня простит! – И не ожидая ответа госпожи, добрая женщина поставила на стол корзину, где лежали письма, газеты и съестные припасы.

Потом она быстро ушла, между тем как мать и дети дрожащими руками перебирали пакеты, отыскивая письмо.

Весьма законное волнение, и его легко понять тем, кто знаком с бедствиями, которые могла принести с собой жестокая война, внезапно разгоревшаяся на границах Индо-Британской империи и Афганистана.

Это – ужасная война, которая не признает ни прав воюющих, ни жалости к раненым, ни уважения к мертвым.

Это – война без славы и без милосердия, где цивилизованная тактика, усовершенствованное оружие и храбрость английских войск не всегда могут восторжествовать над фанатизмом дикарей!

Мать схватила толстый, четырехугольный конверт с очень объемистым посланием. Это было одно из тех писем воина – мужа и отца, где душа изливается в каждой строке, в каждом слове, это был дневник, быстро набросанный на привале, в походе под вражеским огнем.

Прежде чем распечатать письмо, молодая женщина бросила полный любви взгляд на большой портрет во весь рост, изображающий офицера полка шотландских горцев Гордона.

Судя по наружности этого красивого офицера, главы этой семьи, ему можно было дать лет сорок.

Семейная группа, соединившаяся перед портретом, представляла собой прелестную картину живое воплощение здоровья, силы, счастья и любви.

Мать, стройная, высокая, темноволосая, казалась скорее старшей сестрой. Черты ее лица сильно напоминали сына, который, судя по его крепкому сложению, отличался юношеской силой и здоровьем. Молодая девушка была удивительно похожа на портрет офицера; те же голубые глаза, белокурые волосы, спокойный и решительный вид.

Патрику четырнадцать лет, а его сестре Мэри немногим более пятнадцати.

Теперь никто из маленькой семьи больше не думает о закуске, оставленной на столе.

Из окон, раскрытых настежь, обвитых лианами и обросших сильно пахнущим перечником и орхидеями с яркими цветочками, виднеется парк, в зелени и цветах которого тонет коттедж.

Здесь есть ярко-зеленые лужайки, посыпанные песком аллеи, разноцветные клумбы, крошечные пальмы-карлики, гигантские бамбуковые стволы, бананы с атласными листьями, огненные цветы со всеми оттенками пламени, цветущие манговые деревья с одуряющим запахом, а там и сям колоссальная смоковница, образующая одна целый лес; удивительная смесь тропической растительности и цивилизации, английский парк с роскошными растениями жаркого пояса.

Прямо против коттеджа вдали виднеется Угли, западная ветвь дельты Ганга, по которой беспрестанно снуют корабли и по берегу которой идет Circular Road, дорога, за час довозящая вас до Калькутты.

Там и сям выплывают из такой же густой зелени и цветов роскошные виллы, веселые коттеджи, образующие аристократическое предместье, называемое Garden-Reach (пространство, покрытое садами); тут живут, вдали от городского шума, чиновники, офицеры и некоторые представители промышленной или финансовой аристократии.

На тенистом дворе, на верандах и по вымощенным плитами коридорам индейские слуги прогуливаются или предаются своей неизлечимой лени.

Их тут десять человек на трех господ; они зевают, потягиваются, дремлют, и никто из них не делает ничего путного.

Несмотря на эту наружную роскошь, которая, впрочем, мало стоит, так как жалованье и пища этих слуг требуют удивительно малых расходов, – эта семья далеко не может считаться богатой.

Майор Леннокс благороден и беден. Он ведет свое происхождение от Карла Леннокского, герцога Ричмондского, сына английского короля Карла II и Луизы Керуалльской. Он мог бы по праву заседать в палате лордов, но ему помешала бедность. Итак, Карл Эдуард Леннокс, последний Ричмондский герцог шотландской ветви, должен ограничиться тем, что служит в чине майора в полку шотландских горцев Гордона и участвует в компании, которую Индия предприняла против возмущившихся африди.

Он не имеет ничего, кроме жалованья – двадцать тысяч франков на французские деньги; этого едва хватает ему и его семье.

Он женился на прекрасной молодой девушке, такой же бедной и благородной, как и он сам, и она родила ему двух детей, Патрика и Мэри, их радость и гордость. Ужасный индийский климат всегда щадил их; они обладают из ряда выходящим умом, они обожают друг друга и, несмотря на бедность, наслаждаются полным, абсолютным счастьем, которое ничто никогда не в силах было нарушить.

Медленно, с каким-то нежным уважением молодая мать открыла конверт, из которого высыпалось много листков, исписанных мелким сжатым почерком.

На одном из листков очень старательно начерчен план с замечаниями и ссылками. Внизу написано несколько слов.

«Спрячьте этот набросок в безопасном месте, берегите его хорошенько и ни за что с ним не разлучайтесь. От него зависит будущность и богатство наших детей».

– Как это все странно! – шепчет она. – Посмотрите, милые дети, что папа посылает нам.

– Читай, мама, читай! – сказали дети с полными слез глазами и бьющимся сердцем. Немного стесненным голосом, медленно, почти торжественно, мать начала чтение этого письма, которое должно было так трагически повлиять на их судьбу.

«Шакдарский лагерь, 1 сентября 1897.

Милая жена, милые дети!

Вы никогда не задавали себе вопроса, почему мы так бедны и почему несправедливая судьба лишает нас тех материальных преимуществ, на которые дает нам право наше рождение. Как я страдал от того бедственного положения, в котором мы всегда находились, не имея других доходов, кроме тех, которые давала мне служба; как я страдал при мысли о несправедливости судьбы, несправедливости, которая уже сорок лет тяготела над нашим семейством, омрачала мою молодость и грозила омрачить вашу! Сегодня я, наконец, могу сказать: мужайтесь, надейтесь, мои дорогие! Теперь конец той, блестящей с виду, нищете, из-за которой семья герцога Ричмондского должна была жить в коттедже, едва ли подходящем даже для одного из моих младших офицеров! О да, я много страдал как в детстве, так и в молодости, и мое положение ухудшалось еще тем, что я был сирота, предоставленный заботам чужих, наемных людей.

Как вам известно, мои родители погибли во время ужасной резни в Каунпоре. Это было в 1857 году. Моему отцу было сорок лет, что считается трагическим возрастом в нашем семействе. Он был полковником 84 полка Ее Величества Королевы и, будучи богат, как вице-король, вел открытую жизнь, которая давала ему возможность достойно поддерживать блеск дома. Я был тогда еще младенцем. Полк отца стоял в это время в Каунпоре, осажденном возмущившимися сипаями. С самого начала мой отец хорошо понял положение дел и все предвидел: слабость генерала главнокомандующего, измену Нана Саиба, даже запоздалое прибытие Гальвелока. Чтоб быть готовым ко всякой перемене, он превратил в деньги свое имущество и потратил их на покупку драгоценных камней, доставленных ему богатым гебрским негодником¹, которому он спас жизнь. Ценность этих камней составляла до миллиона фунтов (двадцать пять миллионов франков). Несгораемый ящик, в который их положили, был спрятан в безопасное место; гебр, который был честным и верным человеком, обещал хранить все в тайне.

Через неделю город был сдан осаждавшим. Мой отец пал, защищая мою колыбель. Моя мать, пронзенная пулями, упала на его труп, а я, слабый младенец, закрытый пеленками, заваленный разорванными обоями, спасся от убийц».

Взволнованные дети слушали со слезами на глазах этот трагический рассказ, переданный просто, без прикрас.

Мать подавила слезы и продолжала:

«Я долго не находил себе пристанища, как отбросок человечества, и много лет даже не знал, когда и как меня спасли. Теперь мне остается вам рассказать о том удивительном случае, благодаря которому имущество моего отца отыскалось, и о том, как до меня дошли драгоценные документы здесь, в дикой стране, среди дикарей-бунтовщиков.

¹ Негоциант (лат.) – торговец, преимущественно за пределами своей страны. Здесь и далее примечания редактора. Примечания автора и переводчика оговариваются.

Нашему бедственному положению теперь конец, и Ленноксы могут получить обратно свое богатство. Вы найдете все эти документы вместе с приложенным к письму планом, и я прошу вас тщательно их спрятать».

Удивленные, взволнованные молодая мать и дети внимательно пересматривали эти листы не веря своим глазам, не зная, что сказать, что подумать. Письмо, дышащее нежностью, заканчивалось перечислением вещей, необходимых майору, который просил жену купить их и послать ему как можно скорее.

– Поедем сейчас же! Отправимся сейчас же в Калькутту! – предложил Патрик.

– Да, дитя мое, ты прав!

– Скорей! Экипаж, лошадей! – воскликнула Мэри, нажимая пуговку звонка.

Через четверть часа они уже ехали полным ходом по Circular Road и вскоре въехали в самую Калькутту. Было около шести часов вечера. Жизнь, замиравшая во время жарких часов, снова вступала в обычное течение. Экипажи и трамваи быстро мелькали по широким пыльным улицам, запруженным проворными пешеходами, одетыми в белое, с черными, подвижными лицами.

Улицы принадлежали туземцам, которые ходят постоянно пешком, поднимая белые облака пыли; европейцы, напротив, считают для себя позором появиться на улице иначе как в экипаже или верхом.

В настоящую минуту улицы этого восточного города, где так странно сталкивается Европа, или, лучше сказать, Англия и Азия, кишат просто чудовищной деятельностью. Дворцы, памятники, портики с колоннами, решетки с золотыми стрелами, скверы, церкви, трамваи, электрические фонари, разноцветные афиши, огромные аллеи, великолепные магазины. Сотни экипажей мчатся со всей скоростью сквозь эту человеческую толпу; люди толкаются, бегут, толпятся и прячутся с испуганными жестами разбежавшегося стада. Вся эта панорама залита ярким, неумолимо ослепительным светом.

Экипаж леди Леннокс, запряженный двумя сильными пони, катился среди толпы народа тем безумным аллюром, который считается там признаком хорошего тона. Кучер, по примеру других своих товарищей-индусов, казалось, находил злое удовольствие в том, что гнал лошадей во весь опор. Молодая женщина, Патрик и Мэри, относясь презрительно к толпе, которая безропотно переносила все, казались невозмутимыми.

Они скоро приехали в огромный базар где свободно двигалась любопытная и грязная толпа, с которой волей-неволей пришлось смешаться. Все трое вышли из экипажа и вошли в огромное проходное здание, заваленное всякого рода товарами. Патрик подал руку своей сестре, и оба последовали за матерью, открывавшей шествие. Многочисленные туземцы, бродившие и рассматривавшие все эти чудеса, почтительно отступали при их приближении, оставляя им вполне свободный проход.

Молодая мать собиралась войти в магазин готовых вещей.

В эту минуту оттуда выходил туземец, одетый довольно изысканно; он не заметил гордую англичанку, которая не хотела посторониться, и сильно толкнул ее.

Как уже сказано выше, англичане, даже самые лучшие, даже такие, которые в принципе признают равенство людей, глубоко презирают туземцев своих колоний, и презрение это доходит даже до отвращения. На их взгляд, эти черные, желтые, красные существа не люди. Они переносят их присутствие с отвращением и ставят их гораздо ниже своих любимых животных: кровных лошадей и собак. Одним словом, «native» – туземец – это нечистое животное, которое должно сторониться европейца и везде почтительно уступать ему дорогу. Англичанки питают к туземцам такое же отвращение, они презирают их со всей свойственной белым гордостью, со всей нервностью женской природы. Это ужасно, это чудовищно, но это верно!

Леди Леннокс, которую так грубо и неловко задела, не вынесла этого оскорбления: несмотря на свою обычную кротость и доброту, она выразила такой гнев и отвращение, как

будто проходила мимо стада и была задета одним из животных. Она побледнела, подняла руку и нанесла звонкий удар по бронзовой щеке толкнувшего ее человека. Одновременно с этим она произнесла бранное слово.

Обыкновенно оскорбленный тихо опускает голову и исчезает, чувствуя себя достаточно счастливым, если имеет дело не с джентльменом, заслуженным боксером, от встречи с которым ему бы не поздоровилось.

Но теперь было не так; к изумлению англичан, оскорбленный человек вдруг гордо поднял голову и бросил на неосторожную ужасный взгляд. Его тонкий орлиный профиль выразил неопишемую ярость, зубы заскрежетали.

Быстрый, как мысль, он вытащил из-за пояса кинжал с рукояткой, богато украшенной камнями, и вонзил его в грудь несчастной, которая упала, прохрипев умирающим голосом:

– Он меня убил! Боже, сжался надо мной!

Глава II

Бедная мать! – Убийца. – Брамин². – Первая забота. – В военном госпитале. – Наука и преданность. – Перед судом. – Осуждение. – Худа как смерть. – Труп. – Ярость. – Фанатизм.

Патриком и Мэри овладел невыразимый ужас, когда они услышали отчаянное восклицание матери и увидели, как она зашаталась, пораженная смертельным ударом. Они инстинктивно бросились вперед, протягивая дрожащие руки, чтоб поддержать падавшую несчастную женщину, которая конвульсивно схватилась за воткнутый в ее грудь кинжал. Из груди детей вырвался неудержимый крик: «Мама, милая мама!» Кровь текла потоками из раны, скопляясь в зловещее пятно на легкой шелковой материи платья. Глаза раненой, расширившиеся от ужаса и боли, затуманились, делались стеклянными.

Рот, на котором только что играла улыбка счастливой и гордой матери, покрывался розовой пеной. Бедные дети, терзаемые ужасной мыслью о близкой смерти матери, продолжали отчаянно кричать:

– Мама! Маму убили! Помогите, помогите!

Все это продолжалось в течение нескольких трагических секунд, долгих, как мучительная вечность. Они не видели убийцу, не искали его, поглощенные горем. Убийца смотрел с диким равнодушием на эту сцену отчаяния; он не пытался бежать и, казалось, испытывал зверское удовольствие при виде умирающей, при виде крови и испуганных детей. По красному шелковому шнуру, висящему на его плече, можно было узнать брамина, одного из избранных той страшной священной касты, которая никогда не хотела покориться под английским игом, всегда старалась подзадоривать бунтовщиков и которой повинуется целая армия фанатиков. Он не был один, как можно было бы подумать по первому взгляду, среди этих людей, которые толпами сбегались со всех сторон, подняли раненую, старались ей помочь и перенесли ее в магазин, двери которого раскрылись перед ней настезь. Несколько плохо одетых индусов, со зверскими чертами лица, отделились от толпы, сгруппировались около брамина, окружили его и старались увести. Вероятно, это были факиры³, им в иных случаях удается помочь виновному избежать наказания. К счастью, матрос Королевского флота, гигант в белой фуражке, одетый весь в красное, издали видел все происходившее; он бросился к этим мрачным телохранителям, растолкал их, схватил убийцу за ворот и крикнул громовым голосом: «Товарищи, ко мне!» Полдюжины военных, которые бродили перед магазинами, прибежали, отстранили группу индусов, и скоро убийцу увели при громких возгласах европейцев: «Смерть ему!»

Тут же проходил военный доктор. Он увидел леда Леннокс, лежавшую на тростниковых носилках, белую, как полотно. Он вошел, взял ее за руку, пощупал пульс и печально посмотрел на раненую. Присутствовавшие в кратких чертах рассказали ему о случившемся. Патрик и Мэри, убитые горем, стоящие на коленях возле носилок, смотрели на него сквозь слезы и умоляли о помощи. Пульс еще незаметно бился. С бесконечными предосторожностями доктор попытался вытащить кинжал, и хотя эта попытка, исполненная со всей возможной быстротой и осторожностью, удалась вполне, но она вызвала у больной болезненное хрипение. Наконец, дело было кончено, и раненая грудь стала приподниматься от свободного дыхания. «Как бы там ни было, – прошептал доктор, – мы сделаем все возможное».

– О, вы спасете ее, не правда ли? Вы спасете нашу бедную маму! – воскликнули дети с трогательным выражением настойчивой мольбы. В магазине невозможно было оказать больной необходимую помощь. Доктор велел немедленно перенести ее в военный госпиталь, находившийся, к счастью, недалеко. Итак, ее осторожно вынесли, держа зонтик над ее головой; дети

² Брамин (санскр.) – член религиозной касты.

³ Факир (араб.) – в Индии странствующий монах, здесь еще: рядовой член религиозной касты.

следовали за печальным шествием, которое походило на похороны. Слух о покушении распространился на соседних улицах с той быстротой, с которой всегда распространяются плохие вести. Белая была убита туземцем! Европейцы, национальная гордость которых была задета и которые не могли теперь чувствовать себя в безопасности, приходили в негодование, волновались и громко требовали, чтоб были приняты строгие меры. Кто-то узнал Патрика и Мэри. Итак, убитая была леди Леннокс, жена герцога!.. Ярость и страх еще усилились от того, что убийца осмелился поднять руку на особу, принадлежавшую к высшей аристократии!

Тем временем шествие подошло к госпиталю. Раненой предоставили офицерское помещение и, конечно, ее сыну и дочери позволили оставаться при ней. Здесь доктор мог позаботиться о больной. Он исполнил свое дело с умением, самоотвержением, вообще со всевозможным старанием. Чтo предупредить обморок, который мог бы повлечь смерть, быструю остановку сердцебиения, он быстро сделал подкожное впрыскивание эфира, потом немедленно другое впрыскивание – кофеина. Пульс стал биться сильнее, и на щеках появились легкие розовые пятна. Так как несчастная женщина потеряла уже много крови, нужно было быстро, в пределах возможного, возместить эту потерю. С помощью опытных ассистентов хирург сделал вливание в жилы искусственной сыворотки, что немедленно же сказалось. Потом он не переставал слушать сердце и легкие, повторяя попеременно подкожные впрыскивания; таким образом ему удалось поддержать жизнь в течение суток. Дети, сидевшие в соседней комнате, заглядывали время от времени или подходили тихонько на цыпочках. Увидев, что мать еще живет, они бросали на доктора долгий благодарный взгляд и удалялись с надеждой в сердце.

В это самое время председатель Главного Суда, живущий в Калькутте, собрал всех подведомственных ему судей. Убийца удостоился чести быть судимым Верховным Судом, в виду того что он покусился на жизнь белой, притом женщины, принадлежавшей к высшей аристократии. Формальности продолжались недолго и краткостью своей напомнили неумолимое и немногословное правосудие военных судов. Действительно, убийца был захвачен на месте преступления, поэтому следствие было не нужно. Обвиняемый знал это, но, по-видимому, нисколько об этом не беспокоился, сохраняя все время полное и невозмутимое спокойствие; перед судом он обнаружил просто удивительное хладнокровие.

Обширный зал был полон. Публика была разделена на три категории: аристократия, торговое сословие, индусы. Первые сидели на креслах, вторые на скамьях, третьи стояли. Убийца, введенный в зал суда под конвоем, сохранял упорное и презрительное молчание. Наконец, так как председатель настойчиво задавал ему вопросы относительно его имени, лет, рождения, он ответил голосом, который дрожал, как кимвалы⁴.

– Вы хотите знать мое имя! Ну, так меня зовут «Враг»! Да, я ваш враг, и вы скоро это увидите!

Эти слова, произнесенные с ненавистью, вызвали грубые восклицания в черной, грязной толпе, очевидно относившейся сочувственно к обвиняемому.

Председатель продолжал, указывая на орудие преступления:

– Вы признаете тот факт, что вы ударили этим оружием леди Леннокс, герцогиню Ричмондскую?

– Я – Нариндра, брамин четвертой степени, четырежды святой и четырежды священный. А в книге Ману действительно говорится: «Кто с гневом преднамеренно ударил брамина, хотя бы только травинкой, должен немедленно умереть, чтоб потом двадцать один раз возродиться в теле нечистого животного. Та, которую вы называете герцогиней Ричмондской, ударила меня... я исполнил повеление божественного Ману, Вайвасвата, сына Солнца».

– Вы признаете, что убийство было вами совершено?

– Я признаюсь и горжусь этим.

⁴ Кимвалы (греч.) – старинный музыкальный инструмент, род медных тарелок.

– Вам небезызвестно, что это преступление влечет строгое наказание?

– Книга Ману говорит также, и вы должны это знать: «Пусть король остерегается убивать брамина, даже если он совершил всевозможные преступления, – пусть он в таком случае изгонит его из королевства, оставляя ему все его имущество и не причиняя ему никакого зла...» Таков закон!

– Мы не признаем предписаний Ману и авторитета браминов! Вы – просто подданный Ее Величества Королевы и заслуживаете смертную казнь.

Брамин пожал плечами и прибавил своим металлическим голосом:

– Вы не можете... вы не смеете меня убивать.

– Как бы там ни было, – холодно ответил председатель, – мы осуждаем вас на виселицу. Приговор будет приведен в исполнение сегодня же, за два часа до заката солнца.

Брамин выслушал, не поморщившись, эти ужасные слова. Когда председатель спросил его, не хочет ли он что-нибудь прибавить в свою защиту, он гордо выпрямился во весь свой высокий рост и, окинув величественным взглядом толпу индусов, воскликнул:

– А вы, мои верные друзья, вы отомстите за мою смерть!

В толпе факиров послышался глухой ропот, она пришла в движение, сдерживаемая, впрочем, тройным рядом штыков; несколько ужасных клятв, произнесенных вполголоса, доказывали, что это дикое приказание будет исполнено.

До сих пор нельзя было ни в чем упрекнуть это судопроизводство, немногословное, но справедливое; это было должное возмездие за преступление. Но чтоб произвести впечатление на туземцев и внушить им уважение, полное страха, к особе европейца, судьям Верховного Суда пришла несчастная мысль усилить наказание мерами, которые произвели обратное действие. Едва брамин воскликнул: «Мечь!», как председатель после краткого совещания с членами суда сухо произнес:

– А когда казнь над вами будет совершена, палач отрубит вам голову; ее обреют и зашьют в свежеснятую кожу свиньи; то же сделают и с вашим телом: его зашьют в кожу другого нечистого животного. И голову, и туловище бросят в разные реки, и вы будете навсегда лишены честного погребения по обрядам вашей веры. Так будет со всяким, кто осмелится поднять руку на европейского подданного Ее Величества Королевы.

Для того, кто знает непреодолимое отвращение индусов к некоторым животным, считающимся нечистыми, и священное уважение, которое они питают к мертвым, будет понятно, что приговор этот произвел впечатление настоящего святотатства, что заставило всех кричать от ярости. На бронзовом лице брамина выступила страшная бледность, и он сказал судье дрожащим голосом:

– Вы этого не сделаете!

Судья не удостоил его ни взглядом, ни словом.

– Я предлагаю выкуп, чтоб тело мое было возложено на священный костер...

То же ледяное и презрительное молчание.

– Десять тысяч ливров... Пятьдесят тысяч ливров! Сто тысяч ливров!

– Уведите осужденного! – сказал просто председатель. Конвой увел несчастного, которого до сих пор ничто не могло потрясти и который теперь стонал и кричал при мысли об оскорблениях, которые нанесут его останкам.

В назначенный час приговор был исполнен, несмотря на угрозы. Казнь совершилась не тайне перед тюрьмой, по английскому обычаю, а на площади, в присутствии толпы зрителей. Англичане хотели, чтоб пример подействовал, и ничто в мире не заставило бы их отменить наказание. Толпа туземцев, сдерживаемая кавалерией, артиллерией и пехотой, присутствовала с мрачным ужасом при зловещих приготовлениях, которые делались как бы нарочно так открыто. К подножию быстро выстроенной виселицы привели двух огромных, толстых свиней, которые противно хрюкали. Два мясника зарезали их и сняли с них кожу, между тем на

место казни привели осужденного, связанного, спутанного, босого, окруженного ротой матросов королевского флота. Он хотел говорить, протестовать; пытался, хотя и без результата, обратиться к защите. Бой барабанов заглушил его голос. Возмущенные, разъяренные зрители яростно и отчаянно протестовали, но напрасно: в скором времени несчастного вздернули на веревке. Зрители были бессильны: их сдерживали пушки, ружья, пики красных уланов. Наконец, смерть уже сделала свое дело, убийца сам стал трупом. Палач ударом сабли отрубил ему голову. Один из его помощников поднял ее, быстро обрил и завернул в окровавленную кожу свиньи. Другой схватил тело, завернул и завязал его в другую кожу, потом оба пакета положили в повозку, запряженную сильными лошадьми. Толпа с невыразимым отчаянием следила за этим диким поруганием и не упустила ни одной подробности. Крики усилились, и народ, будто обезумев, кинулся за удаляющейся группой. Тем временем европейцы удалялись и имели обо всем разные впечатления; те, кто лучше знал индусское население, говорили:

– Судьи сделали ошибку или послушались дурных советников... Они хотели примера, но в результате только возбудили ненависть. Дай Бог, чтоб нам не пришлось пострадать от мщения дикарей!

Увы, эти опасения имели слишком верное основание.

После покушения прошло два дня. Невероятно, но леди Леннокс осталась жива после ужасной раны. Правда, ее жизнь висела на волоске, но она все-таки жила. Доктор, которому удалось сделать это чудо, был теперь полон надежды. Патрик и Мэри, уничтоженные горем, страшно усталые, не могли ни уснуть на один час, ни подкрепить себя пищей. Теперь же бедные дети начали воскресать. На бледных губах их матери появилась уже слабая, печальная улыбка, и она прошептала их имена. Эта улыбка, этот невнятный призыв потрясли их и вызвали слезы. Они видели, что их мать наконец спасена. Как трогательно они радовались, как бесконечно благодарны были доктору. Они в первый раз со времени болезни матери немного поели и уснули.

Сам доктор, усталый до последней степени, ушел в свою комнату и предоставил большую заботам сиделки, на которую вполне можно было положиться. Впрочем, он бросился в постель, не раздеваясь, чтоб прийти на первый зов электрического звонка.

На рассвете его разбудили ужасные крики. Эти крики доносились из комнаты леди Леннокс, отделенной от его помещения только коридором. Доктор быстро вскочил и побежал на крик, предчувствуя несчастье. Он открыл дверь, и перед его глазами предстало ужасное зрелище. На полу лежала связанная сиделка, с заткнутым ртом и потухшими глазами, не имея возможности ни крикнуть, ни пошевелиться. Рядом с ней Мэри, в ужасном нервном припадке; Патрик стоял с безумным взглядом, сжатыми кулаками, произнося хриплым, совсем разбитым голосом: «Мама, мама!»

Герцогиня Ричмондская лежала на постели без движения. Не было ни малейшего признака дыхания, и одна рука свесилась, уже холодная, с постели. Из полуоткрытого рта текла струйка крови. Вокруг шеи был закручен длинный черный шелковый платок, сдавленный с невероятной силой и завязанный особым способом. Несчастная была задушена во время сна с адской ловкостью и смелостью. Доктор, несмотря на свое испытанное мужество, побледнел и не мог удержаться, чтоб не закричать от ужаса. Он только что увидел над кроватью большой четырехугольный лист бумаги, приколотый кинжалом к кедровой перегородке.

На бумаге были написаны слова, объяснявшие причины этого нового злодеяния: «Мечь браминов!»

Глава III

Пеннилес. – Старые знакомые. – Вверх по Хугли. – Индусские гавиалы. – Охота за людьми. – Сражение с животными. – Скорая помощь. – Оставшиеся в живых. – Тело брамина. – Ночь на реке. – В Калькутте. – «Я арестую вас именем Ее Величества Королевы».

Красивая яхта, на которой был поднят американский флаг, медленно поднималась вверх по Хугли, направляясь к Калькутте. Эта яхта весила около полутора тысяч тонн, отличалась очень изящной отделкой, равно как и быстротой хода и способностью стойко выдерживать напор морских волн. Ее белый, как снег, корпус, украшенный золотом на корме, на бортах и на палубе, богато никелированные металлические предметы, ценность дерева, сразу бросающаяся в глаза, роскошь всей обстановки, – все говорило о богатстве и вкусе ее владельца.

Многочисленный экипаж – около тридцати человек, не считая машинистов, – находился на своих местах в ожидании того, что скоро придется бросить якорь. Люди, тщательно подобранные один к одному, казались сильными и расторопными в своих голубых, надувавшихся от ветра куртках, с серебряной надписью на фуражках, которая гласила, как бы в насмешку над окружающей роскошью: «Penniless... Без гроша в кармане»... Это было, очевидно, название корабля, потому что та же надпись золотыми буквами была сделана и на корме корабля. Это странное название заставляло всех обращать особенное внимание на роскошь и невольно наводило на мысль, не кроется ли тут веселая ирония или какое-нибудь таинственное происшествие.

На палубе стояла прекрасная пара: высокий молодой человек с гордой осанкой, в костюме моряка, который он носил ловко и изящно, и молодая женщина яркой красоты, в шелковом пеньюаре кремового цвета. Молодой человек с темными волосами, со слегка вьющейся короткой бородой, большими и блестящими карими глазами казался энергичным, добрым, мужественным человеком. Молодая женщина была блондинка с голубыми глазами, жемчужными зубами и розовыми губками; в ней было что-то нежное и в то же время решительное, что придавало ее прелестному лицу какое-то неуловимое выражение.

На корме корабля стоял человек атлетического сложения, обросший бородой чуть не до самых глаз, с темно-красной, кирпичного цвета кожей, с нависшими бровями, как у злодеев в театре, с большими волосатыми руками. Он был одет в матросскую куртку с якорями на металлических пуговицах; на голове его была фуражка с узеньким золотым галуном. По-видимому, он исполнял обязанности боцмана. У румпеля⁵, который блестел, как солнце, усердно нюхал табак рыжий человек огромного роста, чистокровный янки⁶, который с удивительной ловкостью и хладнокровием управлял рулем.

Хотя солнце стояло очень низко над горизонтом, жара была удушающая. Боцман выразил это замечание звучным голосом (причем от него сильно запахло чесноком), с тем особенным акцентом, которым отличаются жители Прованса.

– Джонни, братец, здесь жарко, как в пекле! Честное слово, можно подумать, что мы в Тулоне!

Рулевой плюнул за борт, пожал плечами и ответил в нос, с акцентом, по которому легко можно было узнать янки.

– Что за чудесный табак этот мокко! – Тулон! Да ведь там мороз... мороз и снег!

Первый ответил с негодованием:

– Скажи лучше, что в Олиуле иногда бывает изморозь... и на Гросерво бывает снег, но что это за снег! От него листья не желтеют и не остается влаги.

⁵ Румпель (голл.) – рычаг для поворота руля.

⁶ Янки (англ.) – прозвище американцев.

Янки рассмеялся и старался припомнить, какой бы шуткой ответить на это замечание, как вдруг начальник яхты отдал в рупор приказ бросить якорь.

– Что это? – воскликнул провансалец, вглядываясь в далекое речное пространство. По воде разбежались многочисленные концентрические круги и струйки, в середине которых виднелись черные точки. Рулевой Джонни тоже посматривал в ту сторону и сказал своим хриплым голосом:

– Ну, Марий, у тебя хорошие глаза, скажи-ка, что это такое?

– Черт возьми! Это плывут люди!

– А может быть, и звери, клянусь Богом!

– Или вещи... Посмотрите-ка! Там так и кишат крокодилы! Люди, вещи, крокодилы, все это суетится, плещется, вертится! Несчастные! Их наверно проглотят эти чудовища!

Яхта, бросившая якорь, продолжала некоторое время подвигаться. С другой стороны, быстрое течение Хугли несло ей навстречу те предметы, живые или неживые, которые видел Марий. Расстояние все уменьшалось. Провансалец не ошибся. По мутным волнам плыли со всей возможной поспешностью люди, которых было довольно много; они казались совсем истощенными и испускали яростные и отчаянные вопли.

Положение этих несчастных было ужасно: их со всех сторон окружили гавиалы, которых водится множество в дельте Ганга. Они кишат под манговыми деревьями, на отмелях во время отлива, в траве, в воде. Гавиал хорошо известен: это не менее сильное, ловкое и кровожадное пресмыкающееся, чем крокодил, от которого он отличается только устройством головы, более продолговатой, с характерными утолщениями около ноздрей. Это обычный гость индусских рек, где он разбойничает, как настоящий пират, видимо, предпочитая всему другому человека, если только ему удастся до него добраться. Гавиалы окружали странных купальщиков, замеченных экипажем яхты. Время от времени можно было видеть, как схваченный за ногу человек нырял, потом появлялся на поверхности и исчезал с душераздирающим криком. Другие, ошеломленные близостью чудовищ, которые яростно били хвостом по воде, схватывались и растирались ужасными челюстями, которые потом закрывались, щелкая, как огромные ножицы. Кровожадность пресмыкающихся была так велика, что, вероятно, скоро люди были бы съедены. Однако некоторые очень легко могли бы спастись, но, вовсе не стараясь приблизиться к берегу, они оставались посередине реки и толпились около небольшой группы людей, которые держали найденный в реке предмет; они толпились здесь, как солдаты уменьшившегося в числе батальона группируются около знамени, которому грозит опасность.

Молодая женщина, следившая с палубы за всем происходящим, выражала живейшее сострадание.

– Жорж, друг мой, – воскликнула она умоляющим и жалобным голосом, – не поможем ли мы этим несчастным?

– Вы предупредили мое желание, милая Клавдия, – ответил начальник яхты, потом командовал громовым голосом:

– За борт китоловную лодку с шестью матросами!

Боцман Марий поднес свой серебряный свисток к губам и сыграл сигнал. Тотчас же шлюпка была отвязана и спустилась по талям. Гребцы и их командир были уже на местах с поднятыми веслами. Лодка быстро отчалила и немедленно направилась к группе туземцев, на которых нападали гавиалы. И, странное дело, эти ужасные животные, вместо того чтобы прекратить погоню за добычей, казалось, удвоили свою ярость. Может быть, их аппетит возбуждался какими-нибудь таинственными причинами или им придавало смелости то, что их было так много. Над водой держалось не более десятка истощенных, задыхавшихся индусов, которые едва могли двигаться. Увидев, что к ним спешат на помощь, они без колебания бросили в лодку таинственные предметы, которые хотели спасти ценой таких жертв.

По знаку начальника лодки они уцепились за борт, с трудом вскарабкались и упали в изнеможении на скамейки. Тогда необъяснимая ярость гавиалов разгорелась еще сильнее, если это только было возможно. Они кинулись на китоловную лодку и окружили ее. Их было около ста и притом огромных животных; они глухо рычали, приподнимались до половины туловища над водою, схватывались за борт своими огромными лапами с когтями и перепонкой, открывали пасть, из которой вырывалось зловонное дыхание. Положение матросов и индусов становилось поистине ужасным. Безоружные гребцы отбивались веслами, защищались, как могли. Начальник яхты, который видел всю опасность их положения, быстро скомандовал в рупор: «Вперед, осторожно!» Потом прибавил: «Марий, карабины!» Боцман предвидел приказание. Прежде чем начальник успел его произнести, провансалец кинулся, как ветер, к штурвалу, снял три винчестера, вернулся на палубу, вскарабкался на четвереньках на мостик, на котором стояли капитан и его жена, и подал им по ружью, а третье взял себе. Потом с удивительным хладнокровием все трое открыли огонь в тот самый момент, когда яхта тронулась с места. Они находились теперь в четырехстах метрах от лодки, которой грозила опасность.

Все трое стреляли превосходно. Китоловная лодка, матросы, крокодилы составляли движущуюся, смешанную группу, где трудно было различить предметы в отдельности. Малейшая ошибка могла бы причинить смерть бедным людям, которые отбивались с отчаянной энергией. Но пули все с той же меткостью попадали в крокодилов, заставляли разлетаться роговую чешую, пронзали их холодное, мягкое тело, раздробляли кости. Около десяти чудовищ были поражены смертельными ранами и пошли ко дну, извиваясь в судорогах. Огонь все еще продолжался, место вокруг лодки все более очищалось, наконец, она получила возможность двигаться вперед. Яхта шла к ней навстречу, так что оба судна скоро встретились, и перепуганные пресмыкающиеся, которых было уже немного, оставили свою добычу. Скоро китоловную лодку втащили на борт, и мокрые, истощенные, окровавленные индусы ввалились на палубу. Экипаж смотрел на них с любопытством, между тем как владельцы яхты, передав свое смертоносное оружие боцману, спустились с юта⁷. При виде молодого человека и его подруги, которые так великодушно спасли их от смерти, индусы стали на колени с каким-то особенным благоговением, держа руки в виде чаши над головой. Один из них, с виду начальник, обратился к европейцам на ломаном английском языке и проговорил грубым, прерывающимся от волнения голосом:

– Благодарим саиба⁸, который исторг служителей божественного Браммы из пасти чудовищ Хугли и дал им возможность вытащить из воды трижды святые останки их уважаемого учителя!.. Благодарим белую красавицу, такую же прекрасную, как богиня Лакшми, такую же белую, как священный лотос!

Начальник яхты и его подруга с любопытством смотрели на этого цветистого оратора, не понимая хорошенько, что он хотел сказать. Это был человек неопределенного возраста, худой, как аскет, и притом со странной и ужасной физиономией. Тощий, с сильно натянутыми, выдающимися мускулами, выпятившейся грудью, глазами, которые горели как угли, он воплощал в своем лице силу и энергию. Молодой человек ответил ему тоже по-английски:

– Я считаю себя счастливым, что мог помочь таким хорошим людям, и жалею только об одном – о том, что я не мог спасти вас всех.

– Пусть саиб скажет мне свое имя, чтоб мы знали, кто тот великодушный человек, которому мы должны быть вечно благодарны.

– Я капитан Пеннилес (не имеющий ни гроша денег).

⁷ Ют – часть кормы корабля.

⁸ Саиб – господин.

– Пеннилес! Отныне это имя будут считать священным все, принадлежащие к четырем великим кастам! А теперь, саиб, доверши твое благодеяние и вели дасть нам несколько кусков белого полотна...

Капитан прервал его речь:

– Ты получишь все, чего пожелаешь; но скажи, разве вы все не чувствуете голода и жажды? Тебе и твоим товарищам дадут пищи и питья.

– Твое сердце настолько же великодушно, насколько сильна твоя рука; но прежде чем подумать о самих себе, нам надо исполнить священный долг. Видишь ли, господин, эти два безобразных пакета, ради которых пятьсот человек и даже больше из наших утонули, были убиты, съедены крокодилами... Так вот, в этих лоскутках завернут труп святого, который англичане осквернили, после невероятных мучений. Вот голова и туловище, завернутые в кожу свиньи и брошенные в реку. Мы вытащили из воды эти драгоценные останки, но какой дорогой ценой!

Капитан и его жена безмолвно и внимательно слушали эту странную историю, рассказанную тихим, сдержанным голосом, с ужасным оттенком ненависти. Рассказчик продолжал:

– А теперь, великодушный господин, позволь нам удалиться в уголок твоего корабля, чтоб вынуть тело нашего уважаемого учителя из нечистых оболочек и завернуть в полотно, которое ты обещал нам дать.

Тем временем солнце быстро спускалось к горизонту. Темнота наступала внезапно, без сумерек, как всегда бывает в тропических странах. Теперь уже нельзя было войти в гавань Калькутты. Капитан велел бросить якорь и зажечь огни, как делают в тех случаях, когда собираются провести ночь на реке. По его приказанию боцман Марий отвел индусов на нос корабля, за полотняную занавеску, которую поторопились повесить, чтобы они могли чувствовать себя в уединении.

Мрачная церемония, которую не смущал никакой посторонний любопытный глаз, не долго продолжалась; через час все было кончено. Капитан, который не намеревался долго оставлять индусов у себя на корабле, предложил отвезти их на берег Хугли, в пустынное место, под тень манговых деревьев. Туземцы охотно приняли это предложение и оставили яхту в большой лодке, в сопровождении десяти вооруженных с ног до головы человек. Они благополучно пристали к берегу, высадились, неся на плечах труп брамина, и, оставив в стороне манговые деревья, углубились в чащу.

На другой день яхта подняла паруса. Тихо и величественно поплыла она вверх по реке, миновала великолепные сады и коттеджи, дворцы и виллы Гарденрича, потом линию доков и бассейнов, расположенных выше и ниже канала Толли-Нолла. Потом она миновала арсенал, форт Вильям, цитадель и достигла корабельной пристани, которая соединяет Калькутту с новым городом, построенным напротив нее и называемым Хаура. Здесь с яхты бросили якорь и привязали ее канатом к набережной, после того как ее посетили санитары, позволившие ей свободный вход в городскую гавань.

Капитан Пеннилес, взяв свои бумаги, собирался сойти с корабля, чтоб идти в город, как вдруг перед ним появилось несколько человек европейских солдат под командой офицера.

– Вы капитан корабля? – грубо спросил офицер без малейшего поклона.

– Капитан и владелец этой яхты! – ответил высокомерным тоном Пеннилес.

– Ну, так я арестую вас именем Ее Величества Королевы!

Глава IV

Удары судьбы. – Прощание. – Преданность. – Печальный кортеж. – В тюрьме. – Перед судом. – Клевета. – Таинственная записка. – Освобождение заключенного.

При последних словах английского офицера капитан яхты слегка побледнел, и на его мужественном лице появилось гневное выражение.

– Вы арестуете меня, – сказал он с негодованием, – за что же?

– Я действую в силу формальных приказаний, которым я должен повиноваться и мотивы которых мне неизвестны.

– Я протестую во имя общечеловеческого права, несправедливо нарушенного вами, и обращаюсь к заступничеству американского консула!

– Я не имею полномочий принять ваш протест и прошу вас следовать за мной немедленно и добровольно, иначе я буду принужден прибегнуть к открытой силе.

– Тогда мне, вероятно, будет позволено проститься с моей женой и объяснить ей...

– Мне приказано не позволять вам общаться с кем бы то ни было.

– Значит, вы обходитесь со мной как с государственным преступником?..

Молодая женщина, услышав разговор, вышла из своей каюты; при виде мужа, окруженного солдатами со штыками на плечах, она очень удивилась.

– Жорж, друг мой, что случилось? Что тут такое? – воскликнула она, бросаясь к мужу.

– Милая Клавдия, – возразил молодой человек, – гостеприимная Англия обратила на меня внимание сразу же, как только я собрался вступить на землю Индии, и меня, кажется, собираются отвести в тюрьму!

– Но я не оставлю тебя одного, я пойду с тобой! Милостивый государь, позвольте мне следовать за моим мужем!

– К сожалению, сударыня, это невозможно, так как относительно вас я тоже имею приказания. Вы должны оставаться на яхте, которая будет занята войсками до тех пор, пока суд не вынесет приговора вам обоим. Итак, милостивый государь, пойдите!

– Милая Клавдия, – сказал владелец яхты, – здесь недоразумение, которое скоро должно разъясниться. Будь мужественна! Нам пришлось испытать немало и других опасных и неприятных приключений. Не бойся ничего! Ты знаешь, что ничто в мире не может меня испугать.

Перед грубыми, равнодушными солдатами молодая женщина сдержала слезы, стыдясь их. Призвав на помощь все свое мужество, она ответила твердым голосом:

– Всякое сопротивление бесполезно, мы должны подчиниться силе. До свидания, дорогой Жорж! Моя душа будет с тобой!

Арестованного ожидало большое ландо⁹ с поднятым верхом и открытой дверцей. На переднем сиденье сидел унтер-офицер. Офицер пригласил капитана яхты сесть на заднее сиденье, и сам поместился рядом с ним. Сейчас же дверца заперлась, и экипаж поехал рысью мимо толпы туземцев, которая быстро собралась на набережной.

На яхте расположился отряд солдат, и молодая женщина, которую постиг столь жестокий удар в то время, когда она наслаждалась полным счастьем, вся бледная, направилась к лестнице, которая вела в ее каюту. Там она могла, по крайней мере, дать волю своим слезам.

Несмотря на все негодование, которое овладело экипажем корабля, начиная от боцмана и до юнги, никто не пробовал протестовать, сознавая, что это бесполезно. Но по блестящим глазам, нахмуренным лицам и сжатым кулакам этих верных людей можно было догадаться о том, что происходило у них в душе. Ах, если б хотя один против пяти и вне выстрелов пушек цитадели! Какое сопротивление они могли оказать!

⁹ Ландо (франц.) – четырехместная крытая карета.

Миссис Клавдия увидела у лестницы боцмана, который почтительно снял шляпу и сказал ей дрожащим голосом, что заставило ее забыть про его смешной провансальский выговор и обнаружило, что он способен на сильные ощущения, которых никто не заподозрил бы у этого колосса:

– Сударыня, наш капитан ушел от нас, и вы для ваших честных и преданных слуг остаетесь здесь первым лицом после Бога.

Рулевой Джонни подошел к разговаривавшим, теребя свою шерстяную шапку.

– Да, сударыня, – прибавил он, вытирая своей жесткой ладонью слезу, которая затуманивала его глаза, – француз хорошо сказал. Мы преданы вам телом и душой; вы можете положиться на экипаж «Пеннилеса».

Бедная женщина, тронутая этими выражениями теплого чувства, с трудом прошептала:

– Благодарю вас, друзья, благодарю от всего сердца!

Когда она скрылась, провансалец надел свою фуражку, хлопнул по ней так сильно, что от этого удара повалился бы целый бык, и заворчал:

– Черт возьми! Вот так приключение! Дорого заплатят за него эти обманщики, красные куртки!

В это время ландо быстро очутилось в центре города. Сильная давка заставила лошадей перейти на шаг. Улицы наполняла огромная толпа, но толпа молчаливая и сосредоточенная, состоявшая большей частью из европейцев: солдат, моряков, чиновников, шедших пешком, представителей высшей аристократии, торговой, военной и административной, ехавших в экипажах. Одним словом, вся Калькутта. Эта толпа провожала гроб, весь покрытый цветами, за которым шли двое удрученных горем детей-подростков, брат и сестра. Капитан Пеннилес снял шляпу, а офицер отдал честь.

– Это – похороны леди Ричмонд, убитой туземцем! – сказал он своему пленнику, бросая на него подозрительный взгляд.

– За гробом идут, вероятно, дети покойной? – спросил капитан.

– Да! А их отец, майор Леннокс, герцог Ричмондский, сражается в настоящее время с африди, которых смутили какие-то тайные агенты и научили поднять знамя восстания против королевы!

– Бедные дети, бедный отец! – пробормотал капитан яхты с состраданием, не замечая насмешливого выражения лица офицера.

Печальная процессия медленно миновала их, и тогда экипаж снова поехал рысью. Вскоре он остановился у дверей главной тюрьмы.

Офицер отдал своего пленника под расписку служащим тюрьмы, которые внимательно осмотрели его, составили список бумаг, вещей, которые при нем нашли, и отвели его в тюремное помещение с огромными решетками на окнах. Капитан Пеннилес, человек энергичный и решительный, оставшись один, не предался отчаянию. Он сел на деревянную скамеечку, прикованную крепкой железной цепью, и вывел из всего случившегося следующее заключение:

– Нужно на все смотреть серьезно, но не трагически. Я сделался жертвой глупой ошибки или злых замыслов; буду же терпеливо ждать событий. Такой человек, как я, не может вдруг исчезнуть, как шарик у фокусника... Что же касается моей милой Клавдии, ее мужественная душа не знает ни робости, ни боязни. Она твердо перенесет этот удар, который, правда, поразил нас как раз в то время, когда мы наслаждались полным счастьем.

Прошло около двух часов; потом индусский служитель вместе с европейским надсмотрщиком принес заключенному обед, не особенно обильный, но достаточный. Он уничтожил его, как человек, умеющий приспособливаться ко всему, потом, чувствуя себя достаточно подкрепленным, стал терпеливо ждать, прислушиваясь время от времени к зловещему бою невидимых часов. Так прошел почти весь день, и Пеннилес думал уже, что его намеренно оставят в покое до следующего дня, как вдруг дверь отворилась, гремя запорами.

В комнату вошли шесть человек солдат в красных мундирах, со штыками, под командой сержанта с револьвером в руках.

Только что перед тем пробило пять часов.

– Следуйте за мной! – грубо скомандовал унтер-офицер.

Заключенный с трогательным спокойствием повинился, без слова, без жеста. Его провели по ряду длинных коридоров с толстыми сводами, потом он и его провожатые вошли в комнату, представлявшую собой что-то вроде передней; там их ожидал тюремный сторож. Пеннилес прождал добрых четверть часа в обществе солдат, неподвижных, как молящиеся индусы. Наконец раздался резкий звонок, и сторож ввел его в зал, где было только три человека: секретарь, адвокат и председатель суда, тот самый, который вынес страшный приговор брамину Нариндре. Капитан в сопровождении сторожа приблизился, сел на высокий стул, стоявший против стола, где сидел судья, и спокойно дожидался своей участи.

– Будьте так добры сказать мне ваше имя! – сказал председатель с ледяным спокойствием.

– Я спросил бы вас в свою очередь, по какому праву вы допрашиваете меня, после того как меня арестовали помимо всякого права. Потом уже и я отвечу вам, из снисхождения к судебным порядкам великой страны, но во всяком случае не ранее, чем выражу свой протест против этого насилия.

Этот гордый ответ, произнесенный твердым голосом, заставил поднять голову всех трех присутствующих, не привыкших видеть и слышать такого рода обвиняемых.

– Я – граф Жорж де Солиньяк, французский дворянин, более известный в Америке под именем капитана Пеннилеса. Я имею, или я «стою», как говорят в моем приемном отечестве, сто миллионов долларов. Мне двадцать девять лет, я приехал в Индию вместе с моей женой для собственного удовольствия.

Противоположность между словами: Pennyless – без гроша – и суммой в сто миллионов долларов привела трех англичан в волнение. С другой стороны, этот рассказ, кажется, пробудил в памяти судьи интересное воспоминание, потому что он прервал допрос или, лучше сказать, разделил заседание на два отделения.

– Так это вы тот эксцентричный джентльмен, которым так много занималась пресса Старого и Нового света два года тому назад... У вас не было никаких средств к существованию... ни гроша... и вам пришла оригинальная мысль побиться об заклад, что вы совершите кругосветное путешествие без гроша в кармане. С одной стороны, вы ставили на ставку вашу жизнь, с другой – в случае выигрыша вы должны были получить огромную сумму денег... Вы пустились в путь, по условию, не имея другой одежды, кроме газет, обвязанных вокруг тела, и таким образом заработали свое огромное состояние.

– И я надеюсь удвоить его в скором времени! – прервал судью Пеннилес. – Меня называют Нефтяным Королем, а королевский сан, будь это хоть в промышленной области, позволяет мне иметь, по моему мнению, по крайней мере миллиард франков!

– С чем вас и поздравляю! – сказал судья, которого, как истого англичанина, эксцентричные выходки интересовали не менее юридических вопросов.

Потом, после этого странного вторжения в частную жизнь подсудимого, председатель прибавил, сделавшись вдруг холодным как лед и указывая на адвоката:

– Вот достопочтенный Адам Смит, ваш официальный защитник, который по закону должен присутствовать при вашем допросе и будет служить вам своей опытностью.

Адвокат и обвиняемый обменялись церемонным поклоном, и председатель продолжал:

– Теперь к делу. Вот очень подробные бумаги, касающиеся вас.

– Это невозможно! – воскликнул Пеннилес, крайне удивленный.

– Пожалуйста, не прерывайте меня. Судя по сведениям, имеющимся в этих бумагах, вас нужно считать за решительного врага всякого авторитета, всякого учреждения, всякого подчинения законам...

– Отчего бы и не анархистом?

– Уже в Америке, – продолжал невозмутимый судья, – вы смущали общественное спокойствие, употребляли насилие против честных граждан, разорали их собственность, волновали целые города... Потом, на Антильских островах, на Кубе, вы становились на сторону мятежников, принимали участие в борьбе партий, делали чисто разбойничьи набеги.

– Это неправда! – воскликнул Пеннилес с негодованием. – Я помогал слабым, освобождал угнетенных, боролся с возмутительной тиранией... Я поступал по совести, как честный человек, и впредь в подобных случаях буду поступать так же. Впрочем, мы теперь находимся не на Антильских островах, не в Соединенных Штатах, и вы не имеете полномочий судить меня за дела, которые были совершены не в вашей стране.

– Я так и знал, что вы будете это говорить, – заметил судья с сардонической улыбкой. – Эти факты, которых вы не отрицаете, могут служить доказательством по аналогии. Не довольствуясь тем, что вы возбуждали беспорядки в Америке и были в рядах бунтовщиков на Кубе, вы являетесь в Индию, чтоб продолжать свою гнусную разрушительную миссию.

– Это неправда!

– Вы формально обвиняетесь в том, что поддерживаете связь с африди, возмутившимися против Ее Величества Королевы, даете им субсидии оружием, военными припасами, деньгами...

– Это гнусная клевета, против которой я протестую с негодованием!

– Мы еще не знаем, действуете ли вы по своей собственной инициативе или по инициативе соседнего государства, которому выгодно устраивать нам затруднения в этой области.

– Итак я – русский агент?

– Может быть!

– Но ведь я сейчас был анархистом.

– Мы увидим это после. Как бы там ни было, про вас сказано, что вы поддерживаете предательскую связь со всеми имеющимися в низших слоях таинственной Индии непризнанными людьми, бандитами, убийцами...

– Я приехал вчера утром и никого здесь не знаю, не видел даже представителей американского и французского правительства. Клянусь вам честью!

Тут адвокат прервал допрос, чтоб предложить принципиальный вопрос.

– Я буду иметь честь заметить его превосходительству высокопочтенному господину председателю, что все это только одни подозрения и что английское правительство не допускает процессов на основании одних подозрений. Если преступника не застали на месте преступления, то его нельзя посадить в тюрьму... Поэтому я имею честь просить, чтоб обвиняемого немедленно освободили.

– Но он взят на месте преступления! – возразил судья.

– Это невозможно, – решительно утверждал Пеннилес.

– Вы помешали вчера утром исполнению приговора Верховною Суду, помогая бунтовщикам...

– Я видел каких-то несчастных, которые старались вытащить из воды куски мертвого тела и которых гавиалы уничтожали со страшной быстротой... Я помог им, нисколько не воображая, что английское правительство, осуществив приговор, все еще имеет что-то против несчастного, который уже получил свое возмездие...

– Милостивый государь, русло реки служит здесь местом погребения для некоторых преступников, останки которых не должны получать оаций от своих опасных сообщников. Благодаря вам брамины могли в сегодняшнюю же ночь воздать почести презренному убийце! Благодаря вам европейцам грозит опасность; бандиты теперь пробудились – и вот новый очаг восстания, готовый воспламенить всю провинцию. Ваши сообщники уже начинают действовать!

– Опять-таки, уверяю вас честью, что не знаю здесь никого... я действовал просто из чувства человеколюбия, помогая людям, подвергшимся опасности.

В этот момент сторож, который находился в комнате, служившей передней, потихоньку вошел, неся на подносе маленький пакет, который отдал судье со словами:

– Это неотложное дело, ваше превосходительство.

Председатель быстро развязал пакет и вытащил оттуда длинный шелковый платок и маленький кинжал с тонким лезвием, воткнутый в бумагу. Он слегка побледнел, читая строки, написанные по-английски на клочке бумаги, и сказал Пеннилесу изменившимся голосом:

– Вы все еще уверяете, что у вас тут нет знакомств, что вы не знаете ни одной живой души?!

– Я клянусь в этом!

– Если так, то прочитайте это.

Пеннилес взял бумагу, бросил на нее взгляд и издал глухое восклицание удивления.

– Прочитайте громко, прошу вас.

Пеннилес повиновался.

– Под угрозой смерти председателю Верховного Суда повелевается немедленно освободить капитана Пеннилеса!

Судья сказал с достоинством:

– Этот платок похож на тот, которым задушили леди Ричмонд... Этот кинжал точно такой же, как тот, который нашли над ее кроватью. Моя жизнь в опасности, но никогда английский судья не колебался перед угрозой, как бы ужасна она ни была. Я исполняю свой долг!

Он нажал пуговку звонка, которую можно было достать рукой с его места.

Вошли солдаты и унтер-офицер.

– Отведите обвиняемого в его камеру! – сказал он холодно.

Глава V

Похороны. – Последнее «прости». – Шотландская гордость. – Несчастье. – Без крова, без прислуги, без ничего. – Голод и жажда – Боб. – Nepenthes. – Немного воды. – Еще несчастные. – Жертвы голода. – Приходится есть цветы. – Под бананом.

Детям несчастной герцогини Ричмондской приходилось терпеть всевозможные житейские напасти. В последнее время они пережили много мучительных, трагических событий, остались одни, без помощи, без поддержки, были лишены привязанности своей доброй матери, скитались, не находя себе места, пришибленные, огорченные и производили впечатление смертельно раненных птенцов, которые время от времени издают жалобный писк. Около них были незнакомые люди, которые всем сердцем жалели их, но дети тем не менее чувствовали себя ужасно одинокими и слабыми среди этого всеобщего сострадания. Они прижимались друг к другу и держались за руки, глядя на чужих людей, печально проходивших мимо могилы, где покоится их мать, но больше не плакали: их сухие глаза блестели лихорадочным блеском.

Когда печальный обряд кончился и когда было сказано последнее «прости», детей хотели увести, чтобы тяжелые воспоминания перестали растравлять их. Патрик, на которого их горе сильно повлияло, сделал отрицательный жест и, помня, что в отсутствие отца он брал на себя обязанности главы семьи, сказал сестре:

– Подождем еще немного; останемся с мамой, хорошо, Мэри?

– Да, милый братец! Мы попросимся с ней, когда нас оставят одних.

Когда печальная и задумчивая толпа оставила кладбище, дети стали на колени. Они долго молились, примешивая к словам молитвы свои собственные нежные слова, с рыданиями выражая свою любовь, с плачем жалуясь на свое горе, и умоляли Бога о милосердии. Они долго изливали свои чувства, веря, что дорогая умершая услышит их. Потом они встали, разбитые от усталости, дотронулись рукой до сырой земли и набожно перекрестились. Держась за руки, они оставили место упокоения своей матери и направились к себе домой. Сразу же после несчастья многие друзья приглашали их в свои дома; им от души предлагали английское гостеприимство, столь искреннее и широкое. Но их шотландская гордость не могла принять этого предложения. В них всегда развивали чувство собственного достоинства; притом они давно уже сознавали свою бедность, которую из гордости старались скрыть от других, и теперь им казалось, что они унизили бы себя, приняв подобное предложение. Итак, они хотели обойтись без чужой помощи и отправиться на границу Индо-Британской империи, к своему отцу, майору шотландцев Гордону.

Когда мать их была убита на международном базаре, они совсем забыли о кучере, который со своим экипажем, запряженным пони, стал в ряд других экипажей. С тех пор прошло двое суток; теперь они вспомнили об этом в первый раз и не без основания думали, что он, должно быть, вернулся в коттедж. Хотя хорошенькая Гарденричская дача была очень далеко, они решились идти туда пешком. В Индии, как известно, европейца, который ходит пешком, вовсе не уважают, но дети, поглощенные своим горем, мало думали о требованиях английской чопорности. Они скоро вышли на Circular Road, которая привела их на берег Хугли, где столько раз проезжал их экипаж! Они пошли по этой прекрасной дороге, террасами идущей по берегу реки. Расстроенные, возбужденные, не чувствуя усталости, дети молча шли под палящими солнечными лучами, к великому удивлению туземцев, которые смотрели на этих прекрасных подростков и не могли себе объяснить, зачем им понадобилось идти по такой жаре и пыли. По мере того как они шли, они начинали чувствовать некоторое успокоение при мысли о родном приюте, где разбитые тело и душа найдут маленький отдых. Умирая от жажды, мокрые от пота, они, наконец, подошли к большой, посыпанной песком аллее, ведущей в парк. Вдруг при последнем повороте, откуда можно было видеть обвитый цветами фасад дома, они

увидели, что дом исчез! На его месте оставалась только черная груда развалин с неприятным запахом гари. Обуглившиеся остатки, камни, пепел – вот и все, что оставалось от гнездышка, где нежность матери и любовь отца хранили их детство. В этом несчастье были виноваты, очевидно, злые люди, которые не пощадили ничего – ни вещей, ни животных. В огромном птичнике – убитые птицы. В полусторевших конюшнях лежали трупы лошадей, изрубленных с каким-то диким ожесточением. Разорванная сбруя, разломанные, исковерканные экипажи были свалены в огромную кучу. Но Патрика и Мэри особенно волновал и возмущал вид дома, или, лучше сказать, того, что осталось от дома. Что стало с большим портретом отца и матери? Где их фамильные драгоценности, ценные бумаги, разные вещицы, которые служат воспоминанием? Все это погребло в пламени, а то немногое, что уцелело, было испорчено и изуродовано с ужасной изобретательностью и терпением. Туземные служители все исчезли. Даже верная Кэтти покинула это место, если только она не сделалась жертвой злодеев. Несмотря на свою житейскую неопытность, бедные дети не могли не признать везде следы тех, которые мстили за убийцу их матери. Да, индусы с намерением, и притом, можно сказать, с большим искусством постарались уничтожить все.

– О, злые, злые! – воскликнула глухим голосом Мэри, ангельская доброта которой возмущалась до последней степени.

– Эти туземцы – дикие звери, и я отомщу всей их породе! – пробормотал Патрик, сжимая кулаки.

Оба они чувствовали полный упадок сил после всех лишений и горестей, изнемогали от усталости, у них не было ни крова, ни стакана воды, чтоб утолить жажду. Молодая девушка схватила своего брата за руку и повисла на ней, пробормотав:

– Я больше не могу... я чувствую, что упаду.

Мальчик призвал на помощь все свое мужество, чтоб ободрить сестру, но сам испугался, видя, как она бледна, и отнес ее под большой банан, почерневший с одной стороны от огня. Передние ветви этого старого дерева далеко разрослись, образуя непроницаемые своды. Здесь молодая девушка по крайней мере не подвергалась никакой внешней опасности.

– Ободрись, Мэри, милая сестрица! – сказал Патрик как можно нежнее.

– Дай мне пить! Пожалуйста, дай мне пить!

Колодец был завален остатками строения и его крыши; водоем был весь погребен под стенами обрушившегося дома. Там не было ни капли воды!

– Что делать? Боже мой, что делать? – растерялся мальчик, видя, что Мэри бледнеет и хриплым голосом повторяет свою жалобу: «Пить, дай мне, пожалуйста, пить!»

Вдруг Патрик громко закричал от радости и удивления. В нескольких шагах от себя он увидел странной формы кусты, когда-то посаженные здесь майором. Цветы, похожие на зонтик, не представляли собой ничего особенного, но листья! Они были не плоские, как у большей части растений, а закруглялись и соединялись краями, образуя не пропускающую жидкости чашечку. Кроме того, эта самая чашечка опиралась на имеющий спиральную форму черешок, помогающий ей поддерживать вертикальное положение, и имела сверху крышечку. Чашечка всегда бывает полна свежей и прозрачной воды, которую растение выделяет и которая не испаряется благодаря крышечке, так удачно помещенной здесь самой природой. Внутренность этого оригинального сберегателя, который по размеру, пропорции и прочим признакам напоминает большие фарфоровые немецкие трубки, окрашена в красивый голубой цвет.

Патрик узнал растение *Nepenthes*, о свойствах которого ему говорил когда-то отец. Он проворно оторвал черешок, взял хорошенький сосуд в руки и, приподняв крышку, поднес его к губам Мэри. Молодая девушка стала с жадностью пить и сразу почувствовала, что этот чудный напиток доставляет ей большое облегчение.

– Благодарю, братец, благодарю! Мне теперь гораздо лучше, – сказала она более твердым голосом. – Выпей и ты, тебе, верно, очень тяжело.

Это были первые минуты отдыха, которые давала им столь жестоко преследовавшая их судьба. В ту же минуту они услышали ворчанье, потом радостный и оживленный лай.

– Это как будто голос Боба! – воскликнул Патрик.

Перед ними появился бульдог с четырехугольной головой, острыми ушами, усиленно махавший хвостом. Он бросился к детям, лизал их, прыгал, визжал от радости, точно сумасшедший. Это доброе существо не захотело покидать развалины дома. Он умер бы там от голода и тоски, но знакомые голоса детей пробудили его. Мэри, рыдая, обняла этого единственного и верного друга, оставшегося им в тяжелом несчастье.

Он, казалось, один пережил катастрофу, которая уничтожила все, что касалось их счастливой домашней жизни. Боб, которого дети ласкали, усталил на них свои добрые глаза, облизывал себе губы и как будто говорил:

«Ну вот, мы опять все вместе... это прекрасно! Но хотя наши сердца и радуются, в желудках чувствуется пустота».

Это была чистая правда, так как все трое ослабевали от голода. Надо было достать пищи, но где? Флора, которая только что утолила жгучую жажду, могла бы дать им и пищу, так как в их парке, как и в соседних, было много полезных деревьев. Здесь были хлебные, манговые деревья, кокосовые пальмы и множество бананов. Но все эти прекрасные растения были или в цвету, или с еле завязавшимися плодами. Патрик, к своему разочарованию, ничего не находил. Он оставил Мэри под густой тенью старого банана и бродил по аллеям. Вдруг Боб, который, резвясь, следовал за ним, остановился, заворчал и оскалил зубы. Шесть человек несчастных индусов, уже долгие месяцы томившихся от ужасного голода, тоже искали себе скудной пищи в этом опустевшем человеческом жилье. Едва прикрытые лохмотьями, худые, безобразные, похожие на блуждающие привидения, они спотыкались на каждом шагу. Маленький англичанин, который только что произносил ужасную клятву мести, остановился, глубоко потрясенный их видом. Он успокоил собаку и следил за этими несчастными. Бежать у них не было сил; впрочем, их ободрил приветливый вид мальчика. Одна из женщин набралась достаточно смелости, чтоб обратиться к нему.

– Господин мой, – сказала она плохим английским языком, – позволь бедным, умирающим с голода индусам поесть цветы Шоурі.

– Кушайте на здоровье, мои милые! – ответил мальчик.

Женщина поблагодарила, и они с трудом поплелись по аллее, между тем как Патрик размышлял:

«Так значить есть цветы, называемые Шоурі (*Bassia latifolia*, из семейства сапотовых), которые едят, когда голодны?..»

И он потихоньку пошел за несчастными, которые должны были дать ему первый и так нужный ему урок из практической жизни. Недалеко росли деревья с большими жесткими листьями темно-зеленого цвета. Эти деревья были покрыты огромным количеством прекрасных бледно-желтых цветов, которые теперь опадали и покрывали землю толстым золотистым ковром. Патрик с удивлением увидел, как индусы бросились на эти цветы и с жадностью стали их поедать. Этот странный обед продолжался добрый час, но Патрик не стал дожидаться его конца. Он побежал к банану, где отдыхала его сестра, и рассказал ей об этом. Потом оба, чтоб не смущать индусов, а главным образом из чувства собственного достоинства, отправились искать подобные деревья. Страдание еще не успело научить их, что несчастье делает людей братьями! Они легко нашли то, чего искали, попробовали этот обед и нашли его даже вкусным! Мясистые, толстые лепестки имели сладковатый вкус с приятным ароматом земляники. По примеру своих голодных соседей, они поели их досыта, вернулись к банану, который служил им отличной защитой от непогоды, улеглись на мягком, мшистом ковре, покрывавшем землю, и уснули под бдительной охраной Боба, их доброй собаки.

Глава VI

Председатель суда сэра Вильям Тейлор. – Осадное положение. – Первая ночь. – Новая ужасная угроза. – Это война! – В запертом со всех сторон доме. – Ужасное явление. – Человек или привидение? – Гроза. – Утро. – Хозяин дома убит. – Непроницаемая тайна.

Председатель Главного Суда всю свою жизнь служил в Английской Индии. Он хорошо знал страну, был знаком с ее суевериями, тайными обществами, преданиями, и хотя, как истый англичанин, и презирал туземцев, тем не менее хорошо знал, что они способны тайно нанести ловкий удар, пустив в ход способность надевать на себя маску. Поэтому полученное им приказание освободить Пеннилеса под угрозой смерти заставило его призадуматься.

Хотя этот таинственный ультиматум и не испугал его, тем не менее он принял всевозможные предосторожности, чтобы спасти свою жизнь: осторожность еще не малодушие.

Его высокая должность, не хуже вознаграждаемая, чем место посланника, давала ему право на титул превосходительства и делала его одним из первых лиц империи.

Это был человек лет пятидесяти, высокого роста, атлетического сложения, страстно любивший спорт, отлично ездивший верхом, охотившийся на тигров и обладающий мужеством, испытанным при многих опасных случаях. Он жил вместе со своим многочисленным семейством в роскошной вилле или, скорее, роскошном дворце, находившемся в Чауринги, старом предместье Калькутты.

Он был счастлив в семейной жизни, имея шестерых прекрасных детей, четырех дочерей и двух сыновей, старший из которых был поручиком в шотландском полку Гордона. Вообще это был уважаемый во всей обширной империи человек. Звали его Вильям Тейлор.

Его дом был полон английской и туземной прислуги; все имели здоровый вид и были хорошо одеты, так что в общем двор судьи напоминал, в соответственной пропорции, дворцы прежних князей раджей, теперь давно уже лишившихся своих владений.

Как только была произнесена угроза, его превосходительство сделал строгий выбор между своими людьми и приказал хорошо стеречь двери. Всех индусов безжалостно удалили и оставили одних европейцев, кроме одного камер-лакея, служившего прежде солдатом в полку сайков (sikh); это был горец испытанной верности и преданности. Было решено, что он в полном вооружении ляжет спать на циновке у дверей своего господина и что коридоры тоже будут заняты вооруженными служителями из Непала, людьми, которые со времени покорения Индии европейцами были их честными и верными друзьями.

Не довольствуясь, однако, и этими мерами предосторожности, судья велел увеличить число электрических звонков, на зов которых должна была появляться вся многочисленная прислуга. Все двери комнат были окружены электрическими проводами, так что стоило немного приотворить одну из них, чтоб со всех сторон раздались громкие звонки. Наконец, Тейлор сам зарядил револьвер, положив его в таком виде на свой ночной столик, и, успокоенный тем, что все было так хорошо обдумано и предусмотрено, крепко заснул.

Ночь была чудная, удивительно тихая и спокойная. Его превосходительство, председатель суда, проснувшись поздно утром, обрадовался было успеху всех принятых мер, как вдруг у него вырвался крик удивления, смешанного с ужасом. Над самой его кроватью в стене торчал кинжал и под ним бумага с написанными на ней словами:

«Освободи капитана Пеннилеса или ты погибнешь в течение этих суток!»

Вытаскивая кинжал и читая бумагу, судья почувствовал, как его покрыв холодный пот.

Очевидно, во время его сна чужой человек, его смертельный враг, проник в накрепко запертый дом, проник сквозь цепь вооруженных с ног до головы слуг, перешагнул через сайковского горца, загораживавшего дверь, вошел в комнату, несмотря на электрические звонки, приподнял полог над кроватью, воткнул кинжал в стену, опустил полог и исчез, не возбуждая

тревоги! А он, человек, осужденный на смерть этими страшными незнакомцами, был все это время во власти разбойника, который его пощадил, оставив ему, как бы в насмешку, эту ужасную угрозу!

Кто-нибудь другой на его месте поднял бы тревогу, перевернул бы весь дом вверх дном, стал бы кричать, искать, расспрашивать, беспокоиться. Но судья Тейлор даже не моргнул глазом после того, как улеглось первое впечатление. Он спрятал кинжал и бумагу в шкатулку и проговорил:

– Они меня не знают, думая, что я испугаюсь. Нет, пока я буду сомневаться в невинности капитана Пеннилеса, он останется в тюрьме. Может быть, они меня и убьют, но я исполню свой долг.

Он попробовал, хорошо ли действуют электрические звонки, убедился, что все в порядке, что люди хорошо исполнили свое дело, и безуспешно ломал голову над тем, как попал сюда грозный и таинственный посетитель. Но все-таки продолжал упорствовать в своем решении.

– Ну, – сказал он, – они объявляют мне войну, так пусть же! Мы со своей стороны подготовимся к защите.

Он ничего никому не сказал об этом странном посещении, спокойно принялся за свои дела и, возвратившись домой, принял новые меры предосторожности. Другой, вероятно, переменил бы помещение, но упрямый судья хотел непременно остаться в той же самой комнате.

Он сам осмотрел электрические провода, устроил, чтоб полог соприкасался с проводами от звонков, и, твердо решившись не спать эту ночь, лег в халате, держа револьвер за курок. А чтобы не заснуть нечаянно, он выпил большую порцию крепкого кофе.

Было страшно жарко. Судья, который лег в десять часов, к полуночи почувствовал, что им овладевает какое-то непреодолимое оцепенение. Он не спал, но и не бодрствовал, а испытывал что-то среднее: ум его еще работал, но тело не могло пошевелиться.

Он услышал несколько отдаленных раскатов грома; комната, в которой под матовым стеклом слабо мерцал огонь ночника, несколько раз осветилась блеском молнии. Вдруг сильный ветер стал крутить вершины и зашумел в листьях больших деревьев парка. Судье показалось, что этот вихрь проник и в его комнату, потому что занавески заколыхались, полог над кроватью задрожал, и лампочка стала сильно мерцать, как будто она готова была потухнуть. Судья смутно ощутил близость чего-то страшного, грозного, таинственного. Он хотел кричать, позвать на помощь. Но его язык, все его тело было парализовано, как будто в страшном кошмаре. В то же время огонь ночника стал расти, расти, вытягиваться – и из маленького огонька превратился в пылающий факел, пламя которого поднималось до самого потолка. Потом, о, ужас! Почти нагой человек, у которого только бедра были прикрыты одеждой, скользнул, как привидение, по толстому ковру. Это был индус с бронзовой кожей, худой, с мускулами, крепкими, как сталь. Его губы искривились сардонической, полной жестокой иронии улыбкой, а черные, с металлическим отливом глаза светились фосфорическим блеском. Был ли это в самом деле человек или, может быть, это было привидение, возникшее под действием грозы, нервного состояния, полудремоты?

Во всяком случае, был это человек или дух, но привидение приблизилось к кровати. Тейлор увидел в его руках кинжал с острым, слегка выгнутым лезвием, а в левой руке – черный шелковый платок, роковой значок тугов, или душителей. Все это, само собой разумеется, продолжалось не более двух или трех секунд. Судья, который не слышал электрических звонков, соображал еще достаточно ясно, вспоминая, что в комнату невозможно было войти, не подняв трезвона во всех направлениях; поэтому он сказал себе:

– Это кошмар... Я должен проснуться...

Между тем индус приблизился к изголовью, вынул кинжал и бесшумно, одним взмахом острого, как бритва, лезвия перерезал тонкую ткань полога.

Потом послышался глухой вздох и короткое, сдавленное, глухое хрипение. В то же время блеснула ослепительная молния, за которой немедленно последовал оглушительный удар грома. Сернистый запах наполнил комнату, в которой теперь все смолкло. Огонь в ночнике принял свой прежний вид и снова стал мерцать под матовым стеклом. Черное привидение, казалось, расплылось на стене; оно исчезло, не оставив следа, несмотря на то, что все отверстия остались по-прежнему крепко закрытыми. Проснувшись от громового удара, солдат из Непала приподнялся на своей циновке и сказал вполголоса, не отворяя двери, у которой лежал: «Барин, вам ничего не нужно?» и, не получив ответа, снова улегся, пробормотав: «Саиб спит... и хорошо делает. Я сделаю то же».

Через пять минут он снова погрузился в глубокий сон, прерванный грозой, которая вскоре затем прекратилась...

В Индии, как и во всем тропическом поясе, рано встают, так как в жаркие дневные часы нельзя заниматься никакой работой.

На заре верный сайк приотворил дверь комнаты и приветствовал своего хозяина с добрым утром. Не слыша ответа, он удивился, потом испугался.

– Удивительно, как саиб сегодня долго спит.

Ему запрещали входить без зова, если не позвонит электрический звонок, но страх перешибил запрещение. Он толкнул дверь, которая открылась настежь. Немедленно зазвонили бесчисленные звонки. Не видя никакого движения, солдат одним прыжком бросился к кровати, с силой раздвинул полог и закричал: «Ouah!.. Ouah!.. Sahib marga!.. Господин убит!»

Судья Тейлор лежал задушенный на постели. Вокруг его шеи был затянут ужасный черный платок. Чтобы всем была известна причина убийства, к стене, на том же месте, где и вчера, была приколот кинжалом бумага с надписью: «Осужден пундитами, казнен мною, Бераром».

Неподвижное тело уже застыло. На крик камер-лакея сбежалась английская и туземная прислуга; раздался громкий плач. Все они добросовестно караулили дом, поочередно и группами, и никто не мог ни в чем упрекнуть себя. Ни на окнах, ни на дверях не замечалось и следа каких бы то ни было повреждений. Электрические провода действовали великолепно. Очевидно, кто-то вошел в комнату сверхъестественным способом. Как бы там ни было, хозяин дома был все-таки убит!

Безумный ужас овладел всеми, как белыми, так и черными; все эти люди бывали на войне, но дрожали, как дети, перед этим трагическим проявлением сверхъестественного. Тем не менее они постарались действовать как можно распорядительнее в отсутствие хозяйки, которая вместе с детьми была на даче в Симбе.

Прежде всего комната была тщательно обыскана: посмотрели под кровать, отодвинули мебель и зеркала. Осмотрели также стены и паркет, но ничего не нашли. Кому-то пришлось в голову осмотреть комнату, где на бамбуковой скамейке сидел человек, приводивший в движение опахало. Этот человек оказался мертвым на своем посту. Сидя на высокой бамбуковой табуретке, он все еще держал в руке веревку.

Сперва все подумали, что и он тоже был жертвой убийц, и его труп вынесли на свет.

Доктор, который появился, увы, слишком поздно, чтоб оказать помощь судье, объявил, что человек этот был убит громом. Дождь смочил веревку, которая таким образом послужила проводником, вследствие чего несчастный и погиб. Кроме того, на стене оказалось сильное повреждение в том месте, где был повешен блок от опахала. Но это отверстие, соединявшее эту маленькую комнатку с комнатой судьи, было настолько мало, что в него не прошел бы даже и ребенок. Итак, оказалось невозможным узнать, каким образом убийца мог проникнуть к своей жертве и как он мог потом безнаказанно удалиться.

Глава VII

Смятение в Бенгалии. – Дипломатическое вмешательство. – На яхте. – Часовые ничего не видят. – Появление индуся. – Удивление моряков. – Индус оказывается факиром. – Священная клятва. – Индус обещает доставить тайное послание арестованному. – Кто идет? – Ружейный огонь ночью.

Убийство председателя суда Тейлора, так скоро последовавшее за убийством несчастной герцогини Ричмондской, произвело в Калькутте сильное волнение: белые были поражены ужасом, индусы плохо скрывали свою радость и недоброжелательство.

Европейские войска были отбиты от Палавера горцами африди, в Бомбее свирепствовала чума, население везде страдало от голода; в Калькутте царила паника; тайные общества, пользуясь общим замешательством, понемногу приводили в действие свои замыслы. Грозное начало заставляло опасаться еще большего в будущем. И в самом деле, страшная секта тугов, или душителей, о которой думали, что она давно закончила свое существование, снова являлась на свет Божий: мрачные поклонники свирепой богини Кали уже успели заявить о себе двумя преступлениями, совершенными с поразительной ловкостью и смелостью.

Они не только не прятались, но, совершив преступление, подписывали свое имя, как будто были уверены в том, что их не постигнет никакая кара. Так, например, этот Берар, имя которого успело в несколько часов приобрести в пораженной ужасом Калькутте кровавую известность.

Каждый видел в этих событиях мрачное следствие злополучного приговора, предававшего поруганию останки осужденного брамина Нариндры. Судьи надеялись таким образом надолго утратить индусов; но эта неполитичная, хотя и строгая, мера только сильнее возбудила фанатизм туземцев.

С другой стороны, выросшее на этой же почве приключение с капитаном Пеннилесом, богатым янки, приняло неожиданные размеры и грозило правительству Империи серьезными дипломатическими затруднениями.

Англичане и американцы, «Джон Буль» и «Дядя Сэм», эти постоянно соперничающие между собой братья, живут, как кошка с собакой. Калькуттский представитель Вашингтонского правительства не преминул энергично заступиться за своего соотечественника; его поведение причиняло англичанам немало беспокойства.

В довершение всего, вице-короля не было в городе, между тем как волнение можно было бы успокоить только сильной рукой. Калькутта, а скоро и вся провинция Бенгалия окончательно переполюшились.

Положение Пеннилеса еще ухудшилось, несмотря на вмешательство американского дипломата. Угрозы, высказанные «душителями», и кровавое подтверждение этих угроз компрометировали арестанта. Подозрительное и возбужденное грозящей опасностью правительство подозревало в нем причину убийства председателя суда. Несмотря на энергичный протест капитана Пеннилеса, правда, по-видимому, была на стороне правительства. Даже самым непредубежденным людям могло казаться, что несчастный судья погиб именно от рук браминов, которые под страхом смерти приказали ему освободить капитана. Оставалось узнать, мог ли последний считаться подстрекателем или только невольным сообщником преступления. По этой причине его оставляли в полном неведении. Его бдительно стерегли и не позволяли даже переписываться с женой.

Заклученная на яхте, строго охраняемой солдатами, она была удалена от внешнего мира, как в настоящей тюрьме. Экипаж, остававшийся на судне, конечно, тоже участвовал в этом карантине и не имел ни малейшей возможности общаться с внешним миром. Для большей предосторожности яхту отодвинули от берега на длину каната, и все припасы доставлялись на

судно англичанами. На корме, на носу и на юте корабля были поставлены часовые, сменявшиеся через два часа; такой же караул был поставлен и внизу.

Все эти часовые и день и ночь стояли с заряженными ружьями; им было отдано приказание стрелять по каждому, кто захочет оставить корабль или взойти на него без формального разрешения. Одним словом, были приняты самые строгие меры. Тем не менее экипаж и здесь, как и на море, не оставался праздным: люди заботились о порядке, чистоте, о поддержании машины и всякой корабельной утвари в исправном виде. Одним словом, все старались изобрести себе какое-нибудь дело, чтобы только спастись от праздности.

Ночью все, конечно, спали, кроме четырех караульных на палубе и людей при машине, которая приводила в движение динамомашину, служившую для освещения.

Английские солдаты безмолвно прохаживались по кораблю среди этой враждебной им обстановки. Они держались прямо и неподвижно, безмолвно, безропотно, – как будто какие-то автоматы, – исполняли отдаваемые им приказания.

Ночь только что бросила свой густой покров на реку, где яхта, медленно покачиваясь, боролась с отливом. Это была уже четвертая ночь после драматических событий, сопровождавших прибытие в Индию капитана Пеннилеса и его молодой жены.

Было около десяти часов вечера. Боцман дремал, растянувшись на своей койке, при полуоткрытой двери; он думал о продолжительном отсутствии своего капитана и от всего сердца проклинал неизвестность, которая давила его, как свинец. Вдруг он услышал шум или, лучше сказать, едва слышный шорох босых ног по лесенке, ведущей в его каюту. Он наполовину приподнялся и вместо обычного: «Кто идет!» прошептал провансальское восклицание «Qu' es асо».

Тихий, как дуновение ветра, голос ответил: «Friend! (Друг!)».

Не разобрав английского слова, боцман возразил, не подозревая, что в его фразе заключается неподражаемая игра слов:

- Э, дружище! Меня зовут вовсе не Фред! Меня зовут Марий! Слышишь ты – Марий!
- Шш... тише!
- Зачем тише? Я не люблю тайны...
- Пожалуйста, нельзя ли посветить?
- Э! Сейчас!

Он живо повернул пуговку электрического прибора, и комната тотчас же наполнилась ярким светом. Марий, слегка озадаченный, увидел индуса, одетого в одно только лангути (одежда, прикрывающая бедра); с него струилась вода, и он мигал глазами, как сова при солнечном свете.

– Эге! Откуда ты явился, черт возьми? – спросил Марий на весьма фантастичном, но, впрочем, довольно понятном английском языке.

Индус молча показал на реку своим сухим и черным пальцем.

- С чем тебя и поздравляю! Это вовсе не легко! А кто же ты такой?
- Верный и преданный друг.
- Ты, может быть, один из тех, которых крокодилы хотели съесть и которых мы спасли?
- Да!
- А чего же ты хочешь?
- Я хочу немедленно поговорить с супругой саиба... капитана Пеннилеса...
- Но, мой дорогой, теперь неподходящее время для посещений.
- Если бы это дело не требовало такой поспешности, я не стал бы даром рисковать жизнью: ведь я легко мог стать добычей гавиалов или попасть под пули английских солдат.
- Я не сомневаюсь в этом... Но наша госпожа, вероятно, спит... мне придется будить ее горничную, чтоб спросить, может ли она тебя принять.

– Жена саиба не спит... она оплакивает того, кого любит... мои известия принесут ей облегчение! Ну, скорее! – прибавил странный посетитель тоном, который не терпел возражений.

Провансалец тихонько встал, потушил свет и направился к корме корабля, где находилась комната супругов: англичане были все-таки настолько деликатны, что не поставили здесь своих часовых.

В сопровождении индуса, который быстро пробирался по указанному пути, боцман дошел до двери и прошептал по-французски:

– Сударыня, это я, Марий... вы слышите?

– Слышу, друг мой, что тебе надо?

– Там пришел один индус... один из тех, которых мы спасли, помните? Он хочет сообщить вам новости о вашем муже.

Молодая женщина радостно воскликнула: «Скорей, Марий! Пусть он войдет!»

Боцман отворил дверь и увидел в темноте миссис Клавдию, которая выходила к ним навстречу. Она молча пропустила индуса в гостиную, опустила занавески и гардины, потом, убедившись, что все было заперто, засветила электрическую лампу.

При виде прелестного создания с лицом, побледневшим от горя, и утомленными от слез глазами индус склонился и стал на колени.

Сострадание и умиление, которых он и не старался удержать, смягчили суровое выражение его лица, потушили пламень глаз и сделали более приятным грубый звук его голоса.

– Я твой раб, о женщина, чья красота равняется красоте богини, дочери лотоса, и чья рука мужественна, как рука Сканды, бога войны, сына Сивы.

Он долго смотрел на нее с выражением благодарности, уважения, готовности ко всяким жертвам, граничащей даже с фанатизмом.

– Ты хочешь сообщить мне какие-то новости, добро пожаловать, друг мой!

– Да. Капитан, твой супруг, находится теперь в тюрьме; англичане обвиняют его в том, что он нас спас и что он подстрекал нас к возмущению.

– Это клевета!

– Да, они очень нехорошие люди... Но не бойся ничего! Десять тысяч человек поклялись, что он будет спасен; завтра нас будет сто тысяч... а если нужно, вся Индия восстанет, чтоб освободить его из тюрьмы!

– Но его обвинители тоже способны на все!

– Не бойся ничего! Мы поклялись богиней Кали, что наш благодетель будет жив и свободен. Его освободят самое позднее через три ночи!

– Дай Бог, чтоб ты говорил правду, добрый пундит!

– Я еще не достиг чести попасть в число посвященных, я – простой факир... Пундит – это голова, мы же только – руки; они приказывают, мы исполняем, и на земле нет государя, которого бы так охотно слушались... Но что бы там ни случилось, что бы тебе ни говорили, не верь ничему и не бойся ничего! Если тебе скажут, что капитан Пеннилес болен, что он умер... если ты даже увидишь его неподвижное тело, холодное, как у мертвеца, его глаза без взгляда, его губы без дыханья, думай, что он жив и что все это нужно для его блага.

– Ты страшишь меня!

– Еще раз повторяю, не бойся ничего, и пусть твое сердце хранит надежду, несмотря на всех и на все! Только этой ценой и можно его спасти.

– Я послушаюсь тебя! – решительно сказала бесстрашная американка.

– Теперь я ухожу, – сказал факир. – Напиши на маленьком листке бумаги несколько ласковых слов тому, чье единственное горе заключается в том, что он разлучен с тобой. Завтра на заре он получит это письмо и будет радоваться!..

Тронутая этой нежностью и деликатностью чувства, этой преданностью, миссис Клавдия села за свой письменный стол и написала пару строчек, в которых излила всю свою душу, и отдала листок факиру. Тот почтительно взял его, свернул, отвинтил кончик кинжала, который носил на своей левой руке, вложил сверток в отверстие, снова завинтил маленькую крышку и сказал просто:

– До свиданья, сударыня, я ухожу! – И, не ожидая ответа, он открыл дверь и исчез. У входа он опять встретил Марю, который терпеливо дожидался конца переговоров и который сказал едва слышно:

– Берегись! Красные куртки, кажется, что-то подозревают!

Факир пожал плечами и сказал:

– Англичане нечистые свиньи... я их не боюсь!

Марий протянул ему руку и сказал: «Счастливого пути, и спасибо, товарищ!»

Факир взял его руку и крепко пожал, потом бесшумно поднялся на палубу, осмотрелся, полез по снастям и исчез, так что провансалец не услышал даже плеска воды при спуске его в реку.

«Вот так рукопожатие! – думал Марий, чья сильная рука затрещала при пожатии этого тщедушного человека. – Это крепкий малый, и англичанам трудно будет с ним справиться».

Грубое восклицание заставило его вздрогнуть. «Who goes there?» (Кто идет?) – закричал часовой. Потом раздался выстрел, за ним еще.

Глава VIII

Товарищ председателя суда. – В тюрьме. – Пеннилес закован в цепи. – Как он получает письмо. – Радость и умиление. – В театре Сак-Суци. – Судья задущен. – Паника в Калькутте. – Ужасные угрозы. – Пятьсот заложников. – Капитан Пеннилес умер.

Хотя брамины были более чем когда бы то ни было расположены продолжать борьбу, затеянную ими с целью освободить капитана Пеннилеса, английские судьи, со своей стороны, не слагали оружия.

Место председателя суда Тейлора, столь безвременно погибшего, занял товарищ председателя, судья Арчибалд Нортон. Он отличался тем же профессиональным чувством собственного достоинства, тем же хладнокровием при угрозах, тем же презрением к смерти, как и его предшественник.

Как только он вступил в должность, брамины, обладающие удивительной полицией и поразительной системой справок, обратились к нему с тем самым ультиматумом, который был отвергнут несчастным Тейлором.

Судья Нортон, отличавшийся более воинственными наклонностями, повел открытую войну против смельчаков.

Он выставил в своей гостиной кинжал, бумагу и шелковый платок, найденные им у изголовья кровати, и показывал их, смеясь, своим служителям как нечто любопытное. Чтоб показать таинственным врагам, что он не боится борьбы, он приказал, чтоб Пеннилеса перевели из его помещения в другое, более уединенное, и заковали в цепи. На правую ногу заключенного надели крепкое стальное кольцо, прикрепленное к прочной цепи, которая была прикована к камню; кроме того, ему надели пояс, тоже стальной и прикованный к другому камню. Эти цепи были длиной метра в четыре и удерживали узника на чрезвычайно ограниченном пространстве, на котором он едва мог двигаться и стоять.

Это варварское обхождение, по-видимому, не причинило ни малейшего волнения заключенному, который позволил сковать себя без слова, без протеста. Он продолжал быть надменно равнодушным, кушал с аппетитом, спал, и ждал, что будет. Но что за гнев, что за ненависть кипели в его душе, и какие он питал мстительные замыслы!

Вдруг он получил неожиданное и отрадное утешение. Едва он успел провести два часа в этой каменной келейке, освещенной узеньким окошечком, вроде бойницы для ружей, которое едва пропускало тусклый луч света, как ему принесли обед. Тюремный сторож, который, в качестве европейца, не носил ничего мало-мальски тяжелого, пришел не один, а в сопровождении туземца, несшего порцию пищи. По знаку тюремщика индус поставил на землю чашку с рисом, деревянную ложку, кусок холодной говядины, заранее разрезанной на кусочки, чтобы избавить узника от необходимости употреблять ножик и вилку. Потом оба удалились, не сказав ни слова.

Пеннилес, оставшись один, сел на пол, подобрал ноги и принял положение, свойственное портным и восточным людям. Цепь, само собой разумеется, стесняла его; но что до того! *A la guerre, comme a la guerre!* (на войне как на войне). Он набрал ложкой риса и принялся есть, не торопясь. Вдруг его ложка задела какой-то посторонний предмет, скрытый на дне чашки под толстым слоем риса. Он с большим удивлением вытащил оттуда маленькую палочку. Это был бамбуковый стебель, такой же длины и толщины, как сигара. Капитан стал рассматривать бамбуковую трубочку и заметил, что она на одном конце заклеена воском. Вдруг безумная мысль мелькнула в его голове. Что, если это было письмо, несколько ободряющих слов, присланных извне, или план бегства!.. Он раскусывает трубочку зубами, и наконец находит тщательно свернутую бумажку. На его глазах появились слезы: он узнал почерк жены.

«Джордж, мой дорогой, любимый муж, это я, Ваша Клавдия. Я нахожусь на яхте, но считаю себя пленницей. Я чувствую себя хорошо, со мной обходятся с полным уважением. Я страдаю только оттого, что Вас нет со мной. Теперь десять часов. На судне появился факир, один из тех несчастных, которых мы спасли. Он преодолел тысячу препятствий, чтоб принести мне надежду, а в этой надежде – вся моя жизнь, потому что он обещает мне освободить Вас. Он уверяет, что эта записка будет Вам доставлена, и я ему верю. И Вы, мой дорогой, должны также надеяться; надейтесь же, несмотря ни на что... Надейтесь даже тогда, когда вам покажется, что это совсем невозможно... Пусть моя вера вольется в Вашу душу и усладит горечь нашей разлуки.

Рассчитывайте на мою энергию, на мою любовь, и скоро мы будем вместе.

Ваша Клавдия».

Он быстро пробежал эти поспешно начертанные строки, потом начал перечитывать их медленнее, вызывая в своем воображении дорогой образ своей мужественной подруги. Да, Клавдия, его милая Клавдия осталась такой же отважной, энергичной, и ее ангельская доброта равняется ее красоте. Капитан погрузился в приятные мечты, которые не давали ему чувствовать всей тяжести его цепей.

Тем временем брамины и их помощники факиры действовали, и действовали ужасным образом.

В этот вечер было большое представление в главном театре Калькутты, который носит странное название Сан-Суси. В Калькутте очень много театров, но Сан-Суси считается самым модным из них, самым избранным местом; спектакли его часто посещаются, и представители большого света берут там ложи.

В этот вечер давали пьесу Шекспира, и зал был полон. Судья Нортон, ставший председателем суда при таких трагических обстоятельствах, был на представлении со своей многочисленной семьей и имел весьма важный вид, сидя на самом видном месте, в первом ряду своей ложи. Прошло уже два акта, и англичане аплодировали с энтузиазмом, который они так охотно расточают перед своими национальными светилами. Едва прошло пять минут после начала третьего акта, как вдруг в ложу тихонько вошел один из агентов Верховного Суда; его можно было легко отличить от простых смертных по красивому военному мундиру. Судья повернул голову и увидел, что этот человек почтительно протягивает ему письмо. Он с недовольным жестом положил свой лорнет на выдвижную дощечку, взял письмо и распечатал его. В нем заключалось что-то очень важное, потому что судья тотчас встал и сказал своей жене:

– Я принужден, ma chere, оставить вас на несколько минут... нужно разъяснить один в высшей степени важный факт, на который мне указывает обер-полицмейстер...

– Друг мой, остерегайтесь!

– О, здесь нечего бояться!.. Впрочем, я даже не уйду из театра... Меня ждут там, в фойе...

Он тихонько вышел и нашел агента у входа, в ожидании приказаний.

– Ты хорошо знаешь того человека? – спросил он, показывая в зал.

– Да, ваше превосходительство. Это начальник туземной полиции...

– Хорошо! Так возвратись в центральное бюро полиции и скажи начальнику, чтоб он ожидал моих приказаний.

Агент поклонился и ушел, между тем как судья, войдя в гостиную, тщательно запер дверь.

Прошло четверть часа, потом долгие полчаса, которые жене судьи показались просто нескончаемыми. Муж обещал ей вернуться через пять минут, а его все еще нет! Ею овладел

трепет при мысли об ужасных угрозах браминов. Наконец, не выдержав более, она встала, вышла из ложи и отворила дверь в маленький зал. В первую минуту она не увидела никого. Вдруг она ужасно закричала.

Она увидела на ковре своего мужа, лежащего навзничь с расprostертыми руками, глаза его были налиты кровью, рот искривился от ужасной предсмертной судороги; он не подавал никаких признаков жизни. Вокруг его шеи был закручен, как веревка, черный шелковый платок, зловещее орудие «душителей». У нее захватило дыхание, она протянула руки, зашаталась и, как пораженная громом, упала на труп мужа.

Ее крик был услышан в зале, на сцене; зрители испугались, актеры перестали играть. Началась паника. Все бросились к ложе: полицейские, зрители, пожарные, все служащие. Шум и людской говор заглушали голоса актеров. Доктор протиснулся сквозь тесные ряды пораженных ужасом людей. Он разрезал черную ткань и открыл шею, на которой отпечаталась лиловая полоса, пощупал пульс, выслушал сердце. Он попробовал пустить кровь, но ее не вышло ни капли. Затем он попытался сделать искусственное дыхание. Ничего не помогало. Судья Нортон был мертв. В деревянной стене над его головой торчал кинжал с изогнутым лезвием, заостренным концом, все той же неизменной формы. Да, неизменной, так же, как и род мучения, избранный для жертвы, как дикая надпись, выдающая убийцу. Острием кинжала в третий раз была проткнута бумага, на которой были написаны слова, заставлявшие дрожать самых смелых: «Осужден браминами. Казнен мною, Бераром».

Среди ужасного смятения из «общества помощи» принесли двое носилок. На одни положили труп мужа, на другие несчастную женщину, которая теперь издавала какие-то неясные и несвязные звуки, как делают помешанные. Таким образом людям с носилками пришлось протесниться сквозь толпу зрителей, которые покидали прерванное представление, и несчастных отнесли в их жилище.

Слух о третьем преступлении распространился в городе с той быстротой, с какой распространяются плохие вести. Все обсуждали это событие, а репортеры писали, разужнавали, бегали, переговаривались по телефону с лихорадочной поспешностью.

Но это было еще не все. Это ужасное тайное общество, которое судило и осуждало высших сановников империи, теперь официально выразило свою волю, официально отдало свои приказания, и в каких выражениях!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.